

Памяти отца Георгия Чистякова

4 августа 1953 – 22 июня 2007

Ольга Вайсбейн

22 июня 2007 г. закончил свой земной путь один из самых главных людей в моей жизни, мой духовник отец Георгий Чистяков.

Он венчал нас с мужем. Кстати, во время венчания был смешной момент. Батюшка говорит: «Ну, я не буду спрашивать, согласны ли вы, ведь и так все ясно». Но я сказала строгим голосом, чтобы спрашивал все, как положено. Сейчас я думаю, может, он плохо себя чувствовал и хотел немного сократить чин, но тогда мне, в

моем эгоистическом восторге, это в голову не пришло.

Именно он, я уверена, отмолил моего старшего внука, чье появление на свет не приветствовалось врачами (ребенок родился совершенно здоровым, вопреки медицинским прогнозам). Все всегда вспоминают, что он помнил по имени всех прихожан (а их было несколько сотен, если не тысяч), и когда они подходили к Чаше, называл имена сам. А я скажу больше: он помнил имена даже тех, кого никогда в жизни не видел и не знал. В тот сложный период нашей жизни, о котором я упомянула, я попросила его молиться о своей «во чреве носящей» невестке и назвала ее имя. Когда через пару месяцев батюшка пробежал мимо меня по храму, я робко напомнила: «Отец Георгий, Светлана!» На что он как-то удивленно и даже обиженно вскинулся: «Да знаю я, что она Светлана!». Так, как будто это было его единственной заботой, о которой невозможно забыть.

Он был человеком какой-то бесконечной, феноменальной образованности и культуры. Ученый-классик, полиглот, знаток всего и вся — литературы, в частности поэзии (от античности до наших дней — в основном наизусть и на языках оригинала), искусства, музыки... Легче перечислить, чего он не знал. Глубочайшая, пламенная вера сочеталась в нем со столь же пламенной любовью к культуре.

Отец Георгий был человеком экуменического сознания — другом и любимцем папы Иоанна Павла II (который любовно называл его «мой Ежи») и духовным чадом владыки Антония (Блюма) (к которому летал в Лондон на исповедь). Он не разделял людей на верующих и неверующих. Среди его друзей были представители всех религий и конфессий, агностики и атеисты.

Высоколобая отрешенность от мира, с его бедами и проблемами, была ему глубоко чужда. Он изо всех

сил болел за происходившее в стране и поддерживал демократические реформы. Среди его друзей были такие яркие представители молодой российской демократии, как Егор Гайдар, Анатолий Чубайс и Ирина Хакамада. Он был человеком страстным, горячим, бесстрашно обличал с амвона все мерзости нашей политической и общественной жизни с неистовством древнего пророка. И при этом оставался очень земным, доступным, живым, любопытным и веселым, любителем поболтать и похохотать.

Больше всего на свете отец Георгий любил Христа — не умозрительной, отвлеченной, богословской любовью, а любовью живой, глубоко личной, интимной, как любят самого дорогого и близкого человека. Спаситель был для него абсолютно реален. Он встретил Его в юном возрасте, чтобы уже никогда не расставаться, стал Его учеником и свидетелем.

А как отец Георгий служил литургию! Когда он выбегал на амвон, с высоко поднятыми и широко распахнутыми, словно готовыми обнять весь мир руками, с возгласом: «Христос посреди нас!», — в этом была такая великая радость сиюминутной Благой Вести, что усомниться и не разделить ее было невозможно.

Он мог стать (и был! — ред.) выдающимся ученым, но предпочел служение Богу и людям, хотя оставил после себя немало замечательных книг, статей и заметок филологического, богословского и культурного плана, большинство из которых уже изданы; последняя, недавно вышедшая из печати книга — «Беседы о Данте», его любимом авторе, которого он читал и бесконечно перечитывал в оригинале всю жизнь.

Отец Георгий был простым иереем (безо всяких «прото») в нашем храме Космы и Дамиана в Шубине, а еще настоятелем в храме Покрова Пресвятой Богородицы Республиканской детской больницы, где в основном лечатся дети, больные раком. Он стоял во главе волонтерской

группы нашего храма, возился и играл с детьми,

помогал собирать деньги им на лекарства, исповедовал, причащал, а потом иногда провожал их в последний путь, рыдая над гробом вместе с их матерями, многих из которых спас от самоубийства после потери ребенка. И сам он сгорел от той же болезни. «Он взял на себя наши немощи и понес наши болезни», — он и в этом последовал за Учителем...

На последнем из ежегодных вечеров памяти отца Георгия в Библиотеке иностранной литературы в июне 2016 г. историк, публицист и поэт Владимир Ильич Илюшенко замечательно сказал, что в наше деструктивное время такие люди, как отец Александр Мень, владыка Антоний, отец Георгий (от себя добавлю — наш настоятель отец Александр Борисов) и им подобные посылаются в мир, чтобы в нас не иссякла вера, чтобы показать, что и в наши дни святость возможна.

Ну и чтобы немножко снять пафос, приведу один эпизод из биографии отца Георгия, рассказанный на этом вечере. В пору его преподавания в институте (иностранных языков, кажется, но это неважно), один из преподавателей был как-то несправедливо притесняем начальством по национальному признаку. Отец Георгий (в те времена еще просто Георгий Петрович) влетел в кабинет начальника отдела кадров с криком: «Дайте мне мое личное дело! Дайте мне мое личное дело!!!». На вопрос, зачем, потомственный дворянин Георгий Чистяков ответил: «Хочу написать, что я еврей!». И в этом он весь.

И хотя, я уверена, что и без наших немощных молитв он находится одесную Того, Кого так сильно любил, и сам молится за всех нас пред Его престолом (как молился до последнего вздоха, перебирая в уме тысячи имен), я все равно постоянно молюсь за него. И ему. Уверена, что то же самое делают сотни его духовных чад и друзей. И он нас слышит и помогает. Вечная и светлая память!

Фотографии Александра Кремлева и с сайта <http://chistiakov.ru/>